Мое появление

Дэвид Фостер Уоллес

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ о вечернем шоу Леттермана и искренности.

- Дэвид Фостер Уоллес
  - ◯
  - ◯
- notes
  - ◯ 1

Дэвид Фостер Уоллес
Мое появление

My Appearance by *David Foster Wallace*

«*Late Night*» — первая публикация Дэвида Фостера Уоллеса в национальном журнале. Его публиковали и раньше, но этот случай стал для него поворотным событием. Впервые я узнала о Дэвиде за два года до того, благодаря вопросу на писательской конференции. Одной из гостей была инструктор в очень престижной творческой мастерской в Университете Аризоны. В беседе я ее спросила, — как часто (и в основном бесплодно) спрашиваю на подобных встречах, — нет ли у нее студентов, работы которых она могла бы рекомендовать. Та немедленно и с энтузиазмом вспомнила Дэвида. Я попросила, чтобы он мне что-нибудь прислал в обход обычных редакторских каналов. И практически немедленно получила рассказ.

Дальше уже помню хуже. Припоминаю несколько рассказов, что показались мне незаконченными и которые я не взяла, но наша переписка не прекратилась и становилась все интереснее. В конце концов прибыл текст под названием «Мое появление». Я подумала, что он вполне хорош (не помню, чтобы сильно редактировала), но мне не понравилось название. Дэвид возражал — ему казалось, что название в его случае имеет особый подтекст — и хотя я его понимала, решила, что оно не подходит для мужского журнала. В любом случае в Плейбое рассказ был опубликован под другим названием, хотя, по-моему, в своем сборнике он все же предпочел оригинальное.

Элис Тернер.

* * *

Я женщина, которая появилась в «*Late Night с Дэвидом Леттерманом*» 22 марта 1989 года.

По словам моего мужа, Руди, я женщина, чье лицо и умонастроения известны примерно половине статистически учитываемого населения Соединенных Штатов, чье имя на языках, обложках и экранах. Чье сердце сердца невидимо миру и неприступно, скрыто. Это, как думал Руди, и могло бы спасти от всех опасностей этого появления.

Неделя 19 марта 1989 была неделей, когда в эстрадном ток-шоу Дэвида Леттермана показывали серию скетчей о личных увлечениях и времяпрепровождении руководства NBC. Мой муж, чье имя больше известно внутри шоу-бизнеса, чем вне его, знал и боялся Леттермана; он заявлял, что ему отлично известно, как Леттерман обожает надругаться над женщинами-гостями, что тот — женоненавистник. В воскресенье муж сказал, что ему кажется, будто ему с Диком и женой Дика Чармян надо подготовить меня обработать Дэвида Леттермана и быть обработанной им. 22 марта была среда.

В понедельник зрители присоединились к Дэвиду Леттерману на рыбалке в открытом море с президентом новостного отдела NBC. У руководителя, которого мой муж знал и у которого из каждого уха торчал пучок рыжих волос, были современнейшие яхта, удочка и леска, и оказывается, для морской рыбалки не нужны крючки. Они с Леттерманом прилаживали наживку на лески резинками.

— Он так и ждет, когда несчастный придурок хотя бы подумает сказать «без труда не вытянешь и рыбку из пруда», — скорчился мой муж, закуривая.

Во вторник Леттерман изучал огромную коллекцию магнитиков на холодильник руководителя творческого развития NBC. Он спросил: «Это же энтертейнмент, дамы и господа? Или как?»

На языке я чувствовала горечь Ксанакса.

Мы попросили Рамона достать видеокассеты старых серий *Late Night* и просмотрели их.

— Что чувствуешь? — спросил муж.

Леттерман в замедленном движении ронял с двадцатиэтажного дома на зацементированную парковку бутылки шампанского, какие-то округлые фрукты, зеркальное стекло и нечто, на миг показавшееся поросенком.

— Тут жизненно важна фальшивость, — сказал Руди, когда Леттерман бросил визжащего поросенка с очевидно ненастоящей крыши в студии; мы смотрели, как что-то долго неслось с уже настоящей крыши навстречу цементу и в итоге оказалось чучелом поросенка.

— Но это не значит, что он не опасен, — муж бросил

короткий взгляд на свое отражение в черном стекле окна комнаты и сменил позу. — Не думай, что фальшивость настоящая.

— Я думала, фальшивость по определению не очень настоящая.

Он указал мне на экран, где Пол Шэффер, музыкальный помощник и друг Дэвида Леттермана, изображал плечами и руками свой фирменный жест «поди-разбери».

Перед тем, как Рамон поставил видео, мы оба приняли Ксанакс. Еще у меня был стакан шабли. К моменту изучения и обсуждения магнитиков я уже очень устала. Муж тоже устал, но его все больше и сильнее тревожило, что это конкретное появление может представлять собой проблему. Все могло быть очень серьезно.

Из Нью-Йорка мне позвонили в прошлую пятницу. Звонивший поздравил с тем, что мой полицейский сериал продлили на пятый сезон, и спросил, не хотела бы я прийти на «*Late Night с Дэвидом Леттерманом*» на следующей неделе, добавив, что мистер Леттерман был бы ужасно рад видеть меня на передаче. Я предварительно согласилась. Я избавилась почти от всех былых иллюзий, но все же чертовски горжусь успехом своего сериала. У меня отличный персонаж, я тяжело работаю, хорошо играю и практически обожаю актеров и людей, связанных с производством. Я позвонила агенту, режиссеру и мужу. Согласилась появиться в среду, 22 марта. То был единственный интервал, когда мы с Руди были свободны от расписания, которое не давало мне и двух дней отдыха подряд: мой сериал снимали по пятницам, а за день до того обязательно проходили чтения и костюмные репетиции. Даже 22-е, как указал муж за коктейлем, означало вылет из LAX самым ранним утром, так как во вторник я была обязана по контракту появиться на съемках рекламы сосисок. Мой агент подумал, что сможет передвинуть съемку для сосисок — народ в «Оскар Майер» в течение всей кампании был весьма любезен — но муж взял за правило всегда следовать обязанностям, прописанным в контракте, и, как его партнер, я тоже решила жить согласно этому принципу. Это значило засидеться допоздна во вторник, просматривая Дэвида Леттермана, поросенка, магнитики на холодильник и бесконечный ряд домашних питомцев с выдающимися талантами, а потом успеть на предрассветный рейс на следующее утро: хотя запись *Late Night* начиналась только в 17:30., Руди с огромным трудом назначил перед ней конференцию с Диком, чтобы помочь мне.

Перед тем, как я легла спать во вторник ночью, Тери Гарр у Дэвида Леттермана надела костюм-липучку и бросилась на

покрытую липучкой стену. В этом выпуске в его рубрике о книгах был «Справочник покупателя для чиновников Нью-Йорка» 1989-го; Леттерман держал книгу, пока на стене за его спиной на высоте нескольких метров от пола висела Тери.

— Это могла быть ты, — сказал муж, звоня в кухню, чтобы принесли стакан молока.

У шоу, казалось, был фетиш на составление списков из десяти пунктов. Мы смотрели, как сотрудники «*Late Night*» нашли десять самых худших телевизионных реклам. Помню номер пятый или четвертый: немецкий производитель автомобилей пытался проассоциировать покупку машины коробкообразной формы с сексуальным удовлетворением, показывая на фоне духовых инструментов и сосен томную скандинавку, ставшую жертвой чар рычага передачи.

— Что ж, я определенно тронут, — сказал Леттерман, когда кончился клип. — А вы, дамы и господа?

Он предложил фальшивое промо программы, которую ABC решили не выпускать следующей осенью. Промо было клипом с подтекстом о четырех курдских повстанцах в тюрбанах, обвешанных пистолетами, которые решили отдохнуть от революции и организовать квартет Генделя на роскошном лужке с багровыми цветочками. Бутон культуры, распускающийся даже на самой скалистой почве, — на поверхности. Леттерман прочистил горло и заявил, что ABC все-таки поддалось давлению Учительско-родительской ассоциации и отменило программу. Пол Шэффер, под барабанную дробь, спросил, с чего бы это. Леттерман улыбнулся со смущением, которые мы с Руди нашли привлекательным. Как обычно, ответов было десять. Я помню два: «Изображение сикхов и носильщика» и «Изображение сект и Василия». Все шипели от удовольствия. Даже Руди засмеялся, хотя и знал, что ABC не планировало такой программы. Я смеялась сонно и прижалась к его руке, лежащей на спинке дивана.

Также Дэвид Леттерман говорил, через разные интервалы, «А теперь кое-что смешное, ребят». Все смеялись. Помню, что мне не показалось, будто в Леттермане есть что-то особенно угрожающее, хотя мысль отдираться от стены меня огорчала.

Мне было абсолютно все равно, пока самолет летел; когда мы приземлялись, нам навстречу по летной полосе бросилась скошенная тень. К этому времени я была уже довольно расстроена. Я даже подскочила и сказала «Ой!», когда переднее колесо самолета коснулось тени на земле. Я заплакала, хотя и не сильно. Я женщина, которая плачет, если расстраивается; меня

это не смущает. Муж коснулся моих волос. Утверждал, что мне все же не стоит принимать Ксанакс перед записью, и я согласилась.

— Тебе нужна острота реакции, — таков был его аргумент. Он взял меня под руку.

Водитель NBC где-то позади загрузил наши сумки; я слышала громкий стук багажника.

— Ты должна быть остроумной и подготовленной, — сказал муж. Он решил, что я достаточно переживаю, чтобы не спорить; Руди знал человеческую психологию.

Но теперь я рассердилась. Я же знала, откуда взялась минимум половина моих переживаний.

— И сколько именно нужно готовиться? — спросила я. Мы с Чармян уже посовещались по междугороднему насчет моего появления. Она рекомендовала вести себя солидно и просто. Я буду в простом голубом платье, без украшений. Волосы будут распущены.

Заботы Руди были другого рода. Он заявил, что боится за меня.

— Я не вижу ничего такого мрачного, что ты, кажется, видишь в Дэвиде Леттермане, — сказала я ему. — У него веснушки. Он раньше вел прогноз погоды. Он остроумный. Но я тоже, Руди, — мне хотелось Ксанакса. — Мы оба меня знаем. Я актриса, которой сорок и у которой четыре ребенка, ты мой второй муж, ты успешно сменил работу, у меня три сериала, два последних были успешны, у меня номинация на Эмми, и, похоже, мне никогда не сделать карьеру в полнометражном кино и во мне никогда не признают серьезную актрису, — я повернулась на заднем сиденье к нему лицом. — Ну и что? Все это известно. Это и так давно в открытом доступе. Я честно не понимаю, что во мне может быть надругабельного.

Муж положил руку, накачанную, на спинку заднего сиденья позади меня. Лимузин пах, как дорогая сумочка; внутри него была красная кожа и сказочно мягко. Он казался почти влажным.

— Он тебе еще даст погрустить из-за сосисок.

— Пусть его, — сказала я.

Когда мы проезжали через дальний юго-запад Манхэттена, муж стал опасаться, что водитель NBC, юный и смуглый латиноамериканец, может расслышать, что мы говорим друг другу, несмотря на то, что между нами сзади и ним спереди была толстая стеклянная панель, и чтобы с ним общаться, необходимо было включить рядом с ней интерком. Муж пощупал стекло и решетку интеркома. Голова водителя не двинулась, он только оценивал трафик в зеркалах. Нас развлекало радио; сквозь

интерком вплывала классическая музыка.

— Он нас не слышит, — сказала я.

— …а если все как-то записывается, и все поставят в эфире, а ты будешь только в ужасе глазами хлопать? — пробормотал муж, успокоившись насчет интеркома. — Леттерман и не на такое способен. Мы будем выглядеть абсолютными идиотами.

— Почему ты настаиваешь, что Леттерман злой? Он не кажется особенно злым.

Когда за окном побежал серьезный Манхэттен, Руди постарался успокоиться.

— Это человек, Сью, который публично спросил Кристи Бринкли, в каком штате проходит Кентукки Дерби.

Я вспомнила, что говорила по телефону Чармян, и улыбнулась.

— Но она же ответила правильно?

Муж тоже улыбнулся.

— Ну, она волновалась, — сказал он. Дотронулся до моей щеки, а я до его руки. Нервная дрожь стала понемногу сходить.

Задействовав свою руку и мою щеку, он повернул мое лицо к его.

— И Сью, — сказал он, — дело не в злобности. Дело в смехотворности. Эта сволочь питается смехотворностью, как какой-то гигантский паразит, нелепый, как Хауди-Дуди[1]. Все шоу этим питается; растет и процветает, когда все становится абсурдным. Леттерман становится сразу такой объевшийся, мрачный, сияющий. Спроси Тери про липучку. Спроси Линдси про то поддельное видео с ним и Папой Римским. Спроси Мэри Мур. Спроси Найджела, Чармян или Дика. Ты их слышала. Дик может такое порассказать, что волосы дыбом встанут.

В сумочке у меня лежала пудреница. Кожа горела и болела от грима со съемок два дня подряд.

— Но он располагает, — сказала я. — Леттерман. Когда мы смотрели, мне показалось, он любит выставить себя в смешном свете так же, как и гостей. Так что он не лицемер.

Мы попали в небольшой затор. Растрепанный мужчина пытался почистить лобовое стекло лимузина рукавом. Руди постучал по стеклянной панели, чтобы водитель включил интерком. Попросил, чтобы нас везли сразу в Рокфеллер Центр, где снимается *Late Night*, а не сперва в отель. Водитель ни кивнул, ни даже повернулся.

— Вот потому он так опасен, — сказал муж, приподнимая очки, чтобы помассировать переносицу. — Все это предприятие питается смехотворностью каждого. Зрители понимают, что он высмеивает сам себя, и это спасает хитрую сволочь от реального

высмеивания.

Когда юный водитель погудел, бродяга отскочил.

Нас повезли на запад и слегка на север; с такого расстояния я видела здание, где снимается Леттерман и где у Дика кабинет этажом выше. Дик был профессионально связан с моим мужем, пока Руди не решил уйти на общественное телевидение. Мы еще оставались друзьями.

— Выстоишь ты или падешь, зависит от того, как будет выглядеть твоя смехотворность, — сказал Руди, наклонившись к зеркальцу пудреницы поправить узел галстука.

С каждой секундой приближения небоскреб Рокфеллера было видно все меньше и меньше. Я попросила половинку Ксанакса. Я женщина, которая не любит путаницу; она меня расстраивает. В конце концов, мне хотелось быть одновременно и остроумной, и расслабленной.

— Показаться, — поправил муж, — одновременно остроумной и расслабленной.

— Тебя выставят в смехотворном свете, — сказал Дик. Он с моим мужем сидел на диване в своем офисе на таком высоком этаже, что у меня было ощущение в ушах, будто мы взлетаем. Я глядела на Дика с не кричаще дорогого кресла из ткани, натянутой на сталь. — Это не в твоей власти, — сказал Дик. — Но то, как ты отреагируешь — да.

— Что да?

— В твоей власти, — сказал Дик, поднимая стакан к маленькому ротику.

— Если он хочет выставить меня глупой, то, наверное, пусть попробует, — сказала я. — Наверное.

Руди поболтал содержимое стакана. Зазвенел лед.

— Это то самое отношение, которое я пытался в ней взрастить, — сказал он Дику. — Она-то думает, он будет такой, каким ей кажется.

Оба улыбнулись, снисходительно покачали головами.

— Ну, он, конечно же, не такой, — сказал мне Дик. У Дика, вице-президента NBC по ресурсам вещания, был самый маленький рот, что я видела на человеческом лице, хотя мы с мужем знали его уже давно, как и Чармян, и были с ними лучшими друзьями. Его рот был в высшей степени безгубый, а уголки острые; на вид скорее не рот, а рана на лице. — Потому что никто не такой, каким выглядит, — сказал он. — И это Леттерману кажется его сокровенным изобретением. Вот почему все на шоу подвергается высмеиванию, — он улыбнулся. — Но у нас есть преимущество — мы это знаем, Сьюзан. Если заранее знаешь, что он выставит тебя

в смехотворном свете, тогда ты на шаг впереди, потому что можешь сама выставить себя в смехотворном свете, а не дать это ему.

Я-то думала, что пойму хотя бы Дика.

— Я должна сама выставить себя смешной?

Муж закурил сигарету. Скрестил ноги и посмотрел на белого кота Дика.

— Главное тут — дадим мы Леттерману смеяться над тобой на национальном телевидении или ты его опередишь, присоединишься к веселью и сделаешь все сама, — Руди посмотрел на Дика, когда тот поднялся. — От этого выбора, — добавил он, — зависит, выстоим мы или падем. — он выдохнул. На диване лежал луч солнечного света. Свет на такой высоте казался ярким и холодным. Дым сигареты висел в нем, как чернила в воде.

Дик известен своей привычкой мельтешить. Он вставал, садился и вставал.

— Хороший совет, Рудольф. Есть определенные «можно» и «нельзя». Нельзя выглядеть, будто хочешь быть остроумной или умной. У Карсона это работает. У Летттермана — нет.

Я устало улыбнулась Руди. Длинная сигарета почти истекала дымом, свет, падающий на диван, был таким ярким.

— Карсон подыгрывает, — сказал муж, — Карсон до сих пор искренний.

— Искренность больше не в моде, — сказал Дик. — Теперь тех, кто искренен, высмеивают.

— Или тех, кто кажется искренним, кто считает себя искренним, как сказал бы Леттерман, — добавил муж.

— Хорошо сказано, — сказал Дик, смеривая меня взглядом. Рот маленький, голова большая и круглая, одно колено задрано, локоть на колене, нога на подлокотнике другого тонкого стального кресла, кошка кружилась ленивой восьмеркой вокруг его ноги на полу. — Это кардинальный грех на *Late Night*. Это Адидасова пята каждого гостя, которого он изничтожает, — он сделал глоток. — Просто помни об этом.

— Думаю, вот в чем суть: думаю, главное — казаться тем, кто все это знает, — сказал муж, сплевывая осколок льда в ладонь. Кошка Дика подошла и принюхалась ко льду. Пока я безучастно наблюдала за мужем, жар вытянутых пальцев превращал осколок в воду. Кошка чихнула.

Я разгладила голубое платье.

— Что я хочу знать, так это будет ли он меня высмеивать за рекламу сосисок? — сказала я Дику. Как минимум это действительно меня беспокоило. Люди из «Оскар Майер» в

течение всех переговоров и кампании вели себя замечательно, и мне казалось, что у нас получилась хорошая, честная, привлекательная реклама для продукта, который не претендует ни на что большее, чем нечто случайное и забавное. Мне не хотелось, чтобы сосиски из-за меня выглядели смехотворно; не хотела, чтобы казалось, будто я проституировала имя, лицо и таланты «Оскару Майеру». — То есть зайдет ли он дальше шуток? Надругается над этим?

— Нет, если ты его опередишь! — хором сказали Руди и Дик, переглянувшись. Они засмеялись. Они шутили. Я засмеялась. Дик отвернулся и налил себе еще немного. Я отпила из своего стакана. Лед в коле стучал по зубам.

— Только так все и можно разрядить, — сказал Дик.

Муж раздавил сигарету.

— Надругайся над собой, пока не надругался он, — протянул стакан Дику.

— Постарайся сделать вид, будто смеешься над собой, но при этом оставайся все понимающей и ироничной, — большая бутылка булькнула, когда Дик вновь наполнил стакан Руди.

Я спросила, нормально ли, если я приму третинку Ксанакса.

— Другими словами, кажись такой же, каким Леттерман кажется на «Леттермане», — взмахнул рукой Дик, как бы подводя итог, и вернулся на диван. — Смейся как-то так без эмоций. Играй, будто знаешь с рождения, что все на свете — клишированно и раздуто и бессмысленно и абсурдно, и в этом-то весь прикол.

— Но я же совсем не такая.

Кошка зевнула.

— Даже когда играю, я не такая, — сказала я, переводя взгляд с одного на другого.

— Да, — сказал Дик, наклоняясь ко мне и плеснув немного рома на кубики льда в стакане, покрытые пеной колы.

— Конечно, ты не такая, — сказал муж, поднимая очки. Когда он нервничает, всегда трет красные вмятинки, которые остаются от очков на носу. Такая привычка. — Вот почему все серьезно. Стоит тебе только показать свою прелестную попку рядом со студией *Late Night* — над ней тут же адски надругаются. — он слегка постучал сигаретой, глядя на Дика.

— Она хотя бы прекрасно выглядит, — сказал с улыбкой Дик. Он дотронулся до острого маленького ротика, его выражение выдало в нем то, что показалось мне нежностью. Ко мне? Мы даже не особо близки. Не то что с его женой. Алкоголь на вкус отдавал дымом. Я закрыла глаза. Я устала, запуталась и нервничала; еще я немного злилась. Посмотрела на часы, которые

получила на день рождения.

Я женщина, которая любит демонстрировать свои чувства, а не скрывать их; просто так полезней для здоровья. Я сказала Дику, что когда беседовала с Чармян, та сказала, будто Дэвид Леттерман немножко застенчивый, но в целом приятный человек. Я им напомнила, что я профессионал, была на трех Карсонах, Каветте, Донахью, и чувствовала, что знаю, как правильно появиться. Сказала, что если я и нервничаю, то это виноват муж, а теперь и Дик; и что я очень хочу либо тишины, либо Ксанакса, либо конструктивного, дружеского совета, который не требует быть искусственной, или пустой, или до такой степени настороже, что лишит всего веселья того, что, если свести к сути, не больше чем веселое интервью.

Дик, слушая, очень терпеливо улыбался. Руди набирал помощника режиссера. Дик проинструктировал Руди сказать мне, что незачем спускаться для грима раньше 17:30: сегодняшний монолог длинный и запутанный, и передо мной еще покажут очередной скетч о досуге другого руководителя NBC.

Муж начал обсуждать доверие и как оно соотносится с осведомленностью.

Оказалось, что одна из стен в кабинете Дика автоматически отодвигалась, открывая несколько рядов мониторов, передающих NBC. Под декорациями студии местного прогноза погоды и эфиров *Live at Five* от 22 марта начиналась запись первой рубрики *Late Night*. Диктор в свитере с воротником зачитывал в старомодный микрофон, похожий на электрическую бритву с нимбом:

— Дамы и господа, — сказал он. — Человек, который даже сейчас проверяет свою ширинку: ДЭВИД ЛЕТТЕРМАН.

Раздались бурные овации; камера сделала наезд и показала крупный план студийного знака «Аплодисменты». На всех мониторах появились слова «Кам. аплодисментов *Late Night*». Слова то появлялись, то исчезали, пока аудитория бурно приветствовала ведущего. Дэвид Леттерман появился из ниоткуда, одетый в омерзительную куртку яхтсмена и кроссовки.

— Какие зрители, — сказал он.

Я толкла пальцами пену Пепси и хорошего рома на льду. Палец оставил заметную полоску на темном пухе.

— Я правда думаю, что это необязательно, Руди.

— Верь нам, Сью.

— Дик, ну скажи ему, — повернулась я.

— Проверка, — сказал Дик.

Дик стоял у широкого окна комнаты, которое теперь не

пропускало прямого света. Окно выходило на юг; я видела под нами крыши, ощетинившиеся антеннами. У Дика было какое-то передающее устройство, достаточно компактное, чтобы уместилось в руке. Муж наклонил голову и поднял большой палец, когда Дик проверял сигнал. Маленький наушник в ухе Руди изначально создавался, чтобы спортивные комментаторы могли получать указания и самую свежую информацию, не прекращая говорить. Муж иногда пользовался трансмиттером на съемках *Saturday Night Live*, пока не принял решение покинуть коммерческое телевидение. Он вытащил наушник и поскреб его носовым платком.

Наушник должен был быть, по идее, цвета плоти, но был скорее цвета протеза. Я решительно заявила, что не желаю носить наушник свиного оттенка и принимать мужнины указания не быть искренней.

— Нет, — поправил муж, — быть неискренней.

— Это совсем другое дело, — сказал Дик, пытаясь разобраться в инструкции к трансмиттеру, которая была по большей части на корейском.

Но мне хотелось быть одновременно остроумной и расслабленной и наконец спуститься в студию и со всем покончить. Я хотела Ксанакс.

Так мы с мужем начали переговоры.

* * *

— Спасибо, — сказал Пол Шэффер залу. — Спасибо вам большое.

Я смеялась в закулисье, в длинных, зазубренных тенях, которые создавал свет с разных углов. Раздались аплодисменты Шэфферу. Камера вновь показала знак «Аплодисменты».

С расстояния волосы Леттермана чем-то напоминали, как мне показалось, шлем. Они казались плотными и очень твердыми. Он вставлял карточки с текстом в щербинку между передних зубов и наигрывал на них. Он с помощниками быстро представил список десяти лекарств, рецептурных и нет, которые, как заявил Леттерман, «коварно» напоминали известные сладости. Для сравнения он показывал их рядом. Действительно, Адвил выглядел точно как оранжевые M&M's. Мотрин, при правильном свете, был SweetTarts. Вид ингибиторов МАО под названием Нардил выглядел точно как маленькие светло-коричневые Ред Хотс, которые все мы ели в детстве.

— Жутко или как? — спросил Леттерман Пола Шэффера.

А причудливые таблетки успокаивающего средства Ксанакс должны были напоминать миниатюрные версии тех ужасных мягких розово-оранжевых конфет в виде арахиса, которые все везде видели, но никто не признавался, что пробовал.

Я в конце концов добилась от мужа Ксанакса. Это было предложение Дика. Я коснулась уха и надавила на наушник, чтобы его не было видно. Поправила выбившуюся прядь над ухом. Я серьезно подумывала вынуть наушник.

Муж знал человеческую психологию.

— Сделка есть сделка, — зудел он мне в ухо.

Мой юный напыщенный ассистент сказал, что я буду вторым гостем выпуска «*Late Night с Дэвидом Леттерманом*» от 22 марта. Первым появится главный координатор NBC Sports, который сядет в центре круга из динамита, для прикола. Также в списке был самопровозглашенный король продаж кухонных приборов.

Мы просмотрели ветеринарную короткометражку про диспепсию у свиней.

— Итак, ваша работа осталась незамеченной кинокритиками, — сказал на записи Леттерман режиссеру фильма, ветеринару из Арканзаса, который паниковал во время интервью, потому что, как утверждал далекий электрический голос в наушнике, не понимал, быть серьезным с Леттерманом в беседе о труде всей жизни или нет.

Главный координатор NBC Sports, оказывается, лепил идеальные кольца из бризантных взрывчатых веществ, выносил на задний двор и сидел внутри взрывов; такое хобби. Дэвид Леттерман попросил руководителя NBC кое-что прояснить: обрамленный вакуумом, точно в центре идеального круга взрывчатки человек оставался в полной безопасности, как в оке шторма; но если хотя бы одна палка динамита в кольце окажется дефектной, взрыв, в теории, может убить руководителя?

— Убьет? — повторял Леттерман, оглядываясь на Пола Шэффера и посмеиваясь.

Руководитель сказал, что большевики применяли подобные круги динамита для церемониальных «казней» русских дворян, которых на самом деле хотели пощадить; это древняя и освященная веками иллюзия. Мне показалось, что он выглядел довольно уточненным человеком, и пришла к выводу, что здравый смысл не играет никакой роли в выборе мужских хобби.

Ожидая своего появления, я представляла себе координатора в точном центре на его заднем дворе в Вестчестере, целого, в безопасности, пока вокруг кружат волны сотрясающего мир динамита. Представляла что-то торнадическое, розового цвета —

потому что динамит, лежавший на сцене, был розовым.

Но реальный взрыв оказался серым. Он оказался разочаровывающее быстрым и звучал плоско, хотя я и рассмеялась, когда Леттерман заявил, что они случайно не записали взрыв и координатору NBC Sports, который выглядел так, будто бог отвесил ему затрещину, придется все повторить. На секунду координатору показалось, что Леттерман говорит всерьез.

— Вот видишь, — сказал Дик, когда меня позвали на грим, — он просто не может быть серьезным, Сьюзан. Он миллионер, который носит кроссовки.

— Вот так посмотришь на него, — сказал муж, наклонившись проверить холодную розовую затычку в моем ухе, — и представляешь целую страну, которая смотрит шоу и подмигивает друг другу.

— Так что и ты иди и подмигивай, — сказал Дик ободряюще. Я посмотрела на его рот, голову и кошку. — Забудь все правила появления на ток-шоу. Именно над этими правилами он и смеется больше всего. — глаза Дика стали холоднее. — Он зарабатывает, высмеивая именно то, благодаря чему может зарабатывать и высмеивать.

— Ну, в индустрии уже довольно давно царят отцеубийственные настроения по отношению к правилам, — сказал муж, пока мы ждали в лифте. — Уж конечно, не он это изобрел.

Дик зажег ему сигарету, благожелательно улыбнулся. Мы оба понимали, что имеет в виду Руди. Ксанакс наконец подействовал и мне стало хорошо. Я чувствовала, что готова появиться.

— Можно сказать, тут то же самое, что и на *Saturday Night Live*, — сказал Дик. — Тот же феномен. Дешевые декорации, которые должны казаться еще дешевле, чем есть. Хулиганская, чуть ли не домашняя съемка, реквизит с детской площадки, вроде «обезьяньей камеры», «трилл-камеры» или конусов из низкокачественного маше. *Late Night*, S.N.L. — это все анти-шоу.

Мы стояли у стенки огромного бесшумного лифта. Казалось, мы не двигаемся. Он был как обычная комната. Руди нажал шесть. В обоих ушах у меня трещало. Дик говорил размеренно, как будто я недопонимала.

— Но даже если шоу — анти-шоу, если оно хит — значит, все равно шоу, — сказал Дик. Он приподнял кошке голову и почесал ей шейку.

— Так что просто представь, под каким напряжением этот сукин сын, — пробормотал муж.

Дик холодно улыбнулся, не глядя на Руди.

У моего мужа иностранный сорт сигарет, такой, при котором все чувствуют, как что-то горит. Сигарета шипела, трещала и вспыхивала, пока он затягивался, не отводя взгляда от бывшего начальника. Дик смотрел на меня.

— Помнишь, какие на SNL были прекрасные пародии на рекламу, когда шоу только открылось, Сьюзан? Такие прекрасные пародии, что даже приходилось на секунду задуматься, чтобы понять, что это пародия, а не собственно реклама? И каким хитом были те анти-рекламы? И что случилось потом? — спросил меня Дик. Я промолчала. Дик любил задавать вопросы и сам на них отвечать. Мы прибыли на этаж Леттермана. Мы с Руди вышли за ним.

— А случилось, — сказал он через плечо, — что спонсоры стали ставить в SNL рекламы, которые были почти как пародии на рекламы, так что приходилось задуматься, чтобы понять, что изначально это именно реклама. Так что спонсоры вдруг обеспечили, что огромные аудитории смотрели ролики очень, очень внимательно — в надежде, конечно, что те окажутся пародиями, — секретари и интерны вставали, когда мимо проходили мы с Диком; кошка в его руках зевнула и потянулась.

— Но, — засмеялся Дик, все еще не глядя на моего мужа, — но выходит, что спонсоры повернули шутку с антирекламой против SNL, использовали шутку, чтобы манипулировать аудиторией, хотя над этими манипуляциями изначально и прикалывались те пародии.

Двери студии 6-А были в конце покрытого ковром холла, рядом с огромным постером, на котором был изображен Дэвид Леттерман, фотографирующий того, кто будет фотографировать постер.

— Так что вопрос, казаться таким или иным, на подобных шоу даже не встает, — сказал Руди, сбивая пепел, не глядя на Дика.

— Разве то были не прекрасные деньки, а? — прошептал Дик в ухо кошки, ткнувшись в нее носом.

Запертые студийные двери приглушали шум большого оживления. Дик ввел код на освещенной панели у постера с Леттерманом. Они с Руди возвращались наверх, чтобы наблюдать из кабинета Дика, где стена мониторов обеспечит им сразу несколько ракурсов меня.

— Просто играй, и все, — сказал муж, убирая прядь волос с моего уха. Коснулся моей щеки. — Ты талантливая и многогранная актриса.

И Дик, двигая белой лапкой кошки, изображая прощание,

сказал:

— И она воистину актриса, Рудольф. Если будешь ей помогать, мы все развернем, как надо.

— И она это оценит, сэр. Больше, чем ей сейчас кажется.

— То есть я должна быть чем-то вроде анти-гостя? — сказала я.

— Ужасно рад тебя видеть, — вот что сказал мне Дэвид Леттерман. Я уже проследовала после своей подводки на сцену; освитеренный ассистент провел меня под локоть и тут же мягко отшелушился, когда я вышла на свет.

— Ужасно, не, гротескно приятно тебя видеть, — сказал Леттерман.

— Сканирует на предмет претенциозности, — проскрипело в ухе, — полных карманов наивного самомнения. Чего-нибудь, что можно подколоть. Чего угодно.

— Д-да, — протянула я Дэвиду Леттерману. Зевнула, рассеяно коснувшись уха.

Вблизи он выглядел угнетающе молодым. Самое большее тридцать пять. Он поздравил меня с продлением сериала на сезон, номинацией на Эмми и сказал, что сеть отлично справилась с моей неожиданной беременностью на третий год сериала, показывая меня только за визуальными препятствиями и выше пояса целых 13 серий подряд.

— Было смешно, — сказала я саркастично. Сухо посмеялась.

— Очень, очень смешно, — сказал Леттерман, и засмеялась аудитория.

— О господи боже, да покажи ему, что ты саркастичная и сухая, — сказал муж.

Пол Шэффер изобразил руками свой фирменный жест «подиразбери» в ответ на какой-то вопрос Леттермана.

У Дэвида Леттермана к щеке была прикреплен маленький ярлычок (у него правда были веснушки): ярлычок с надписью «Грим». Он остался от более ранней шутки из его монолога, когда он вернулся с рекламной паузы и абсолютно все на нем было надписано. Над фонтанчиком между нами и рампой висела грубо подписанная стрелка: «Танцующие Фонтаны».

— Ну в общем, Сьюзан, правдивы ли слухи, которые связывают то безумие про сеть твоего мужа с теми вторичными слухами?.. — он перевел взгляд с карточки на Шэффера. — Черт, знаешь, Пол, тут так и написано — «вторичные слухи»; нормально говорить «вторичные слухи»? Что это вообще такое, Пол, — «вторичные слухи»?

— Мы с группой думаем, что это значит… ну, просто сотни

всего, Дэйв, — сказал Шэффер с улыбкой. Я улыбнулась. Люди засмеялись.

Вновь из ниоткуда в мое ухо пришел голос Дика: «Скажи нет». Я представила вокруг себя стену ракурсов, рану на лице Дика и передающую штуку у раны, мужа, сидевшего, скрестив ноги и забросив руку на спинку того, на чем бы он ни сидел.

— …вторичные или какие еще — те, будто твой и Тито славный, славный сериал, кажется, э, покидает коммерческое телевидение с завершением следующего сезона и, может, переезжает на другую, неназванную, некоммерческую сеть?

Я прочистила горло.

— Абсолютно каждый слух о моем муже — правда. — зрители засмеялись.

Леттерман сказал: «Ха, ха». Зрители засмеялись еще громче.

— Что до меня, — я разгладила платье движением принцессы, — я почти ничего, Дэвид, не знаю о производстве или бизнес-стороне сериала. Я женщина, которая играет.

— И, знаете, ведь правда было бы здорово написать это на футболках всех женщин в мире? — спросил Леттерман, ковыряя ярлычок на булавке для галстука.

— Да и по тому, что я слышал, Дэйв, разве это безумие, — сказал Риз, координатор NBC Sports, сидевший справа от меня в одном из студийных кресел, казавшихся мне почему-то выпотрошенными. Вокруг его умных глаз были два енотных колечка сажи, от взрывного хобби. Он посмотрел на Леттермана. — Ну какая может быть битва за власть на публичном ТВ?

— Что-то вроде… кровавой схватки в Лиге женщин-избирателей, что скажешь, Сьюзан?

Я засмеялась.

— Спецназ и водяные пушки выдвигаются к кулеру.

Леттерман и Риз и Шэффер и я хохотали до упаду. Зрители смеялись.

— Многослоговые термины так и свистели в воздухе, — сказала я.

— И все предают друг друга реально… реально корректно с грамматической точки зрения…

Мы попытались собраться, муж дал мне указание.

— Дело в том, что, боюсь, я просто не знаю, — сказала я, пока Леттерман и Шэффер еще смеялись и обменивались взглядами. — На самом деле, — сказала я, — я даже не очень знающая, или талантливая, или многогранная как актриса.

Дэвид Леттерман предложил аудитории, которую опять назвал «дамы и господа» (что мне понравилось), представить

меня в футболке с надписью «Женщина, Которая Играет».

— Вот почему я снимаюсь в рекламе, в которой вы меня теперь постоянно видите, — сказала я легко, с зевком.

— Что ж, и эй, как раз хотел об этом спросить, Сьюзан, — сказал Леттерман. — Проблема, э, в том, — он потер подбородок, — что мне надо объяснить, что же ты рекламируешь, но, конечно, не назвав при этом славный… славный, и можно сказать — «вкуснейший»?

— Пожалуйста.

— Вкуснейший продукт по названию, — он улыбнулся. — Иначе это само по себе будет рекламой.

Я кивнула, улыбнулась. Наушник молчал. Я невинно оглядела сцену, притворилась, что потягиваюсь, насвистывая первые двенадцать нот очень известного джингла.

Леттерман и аудитория засмеялись. Пол Шэффер засмеялся. Электрический голос мужа одобрительно заскрипел. Также я слышала на заднем фоне, как смеется Дик; его смех казался безэмоциональным.

— Пожалуй, теперь все ясно и понятно, — ухмыльнулся Леттерман. Он бросил свою карточку с текстом в фальшивое окно позади нас. Раздался очевидно фальшивый звук стекла.

Он казался в высшей степени дружелюбным.

Муж передал что-то, что я не разобрала, потому что Леттерман заложил руки за голову со шлемом волос и говорил:

— Пожалуй, главный тут вопрос — зачем, Сьюзан. Я знаю про баксы, большие, большие баксы, что водятся в, э, прайм-тайме. Мне набрасывали тут в уборной всякие размытые намеки, аллюзии, правда, там такие большие баксы, в прайм-таймовых зарплатах, здесь у нас, на нашем NBC. Такие суммы, о каких говорят только шепотом. Но вот ты, — сказал он, — у тебя было, сколько, три качественных сериала? Неисчислимые гостевые появления в других шоу?..

— Сто восемь, — сказала я.

Он обиженно смотрел миг в камеру, пока в зале смеялись.

— …буквально неисчислимые гостевые появления, — повторил он. — Критики возносят твой драматический полицейский сериал, который идет уже сколько, три года? четыре года? У тебя есть… — он посмотрел на карточку, — талантливая дочь, которая снялась в нескольких фильмах и которая сейчас в сериале, муж, который просто потрясатель основ, сноситель с ног, настоящая легенда в комедийной индустрии…

— Помните «Laugh-In», — сказал координатор NBC Sports. — «Флипа Уилсона»? «Смазерс Бразерс»? Помните время, когда Saturday Night Live был хорош? — он покачал головой в

восхищении.

Леттерман отпустил голову.

— Итак, сериалы, дочкины сериалы, номинация на Эмми, буквально неисчислимые потрясения и снесения и прошлые шоу мужа, один из лучших браков в индустрии, если не во всем Северном, э, полушарии… — он посчитал перечисленное на пальцах. Руки у него были идеально обычными. — Да у тебя жизнь удалась, подруга, — сказал он, — если позволишь. — он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

— Ну, и итак, Сьюзан, страна интересуется, зачем это ты вдруг снялась в этих… рекламах сосисок? — спросил он голосом, близким к хныканью, который тут же еще и преувеличил.

Ворвался тоненький голосок Руди:

— Видишь, как он преувеличил нытье, как только увидел, что?..

— Потому что я не великая актриса, Дэвид, — сказала я.

Леттерман казался пораженным. Миг под лучами белых софитов я смотрела на него, и он казался мне пораженным. Я была уверена, что беседую с в принципе искренним человеком.

— То, что ты перечислил, — сказала я, — это все активы, вот и все. — я посмотрела на него. — Это мои активы, Дэвид, это не я. Я актриса коммерческого телевидения. Так почему бы не сняться в телерекламе?

— Будь честной, — сказал Руди голосом слабым и металлическим из-за некачественного микрофона. Леттерман притворялся, что пьет кофе из пустой чашки.

— Будем честны, — сказала я. Аудитория молчала. — У меня только что был травматический день рождения, и теперь я избавляюсь от иллюзий направо и налево. Я женщина без иллюзий, Дэвид.

Дэвид, кажется, оживился при этих словах. Прочистил горло. Наушник зашипел указанием ни в коем случае не говорить слово «иллюзия».

— Какое забавное и неожиданное совпадение, — сказал Леттерман, размышляя. — А я — иллюзия без женщин; скажи, ты… замечаешь тут некую параллель, Пол?

Я засмеялась со зрителями, когда Пол Шэффер изобразил жест «поди-разбери» со своей эстрады.

— Обречена, — передал муж из кабинета человека, чьи подчиненные рыбачили без крючков и сидели во взрывающихся кругах. Я пригладила волосы над ухом. Сказала:

— Мне сорок, Дэвид. На прошлой неделе мне стукнуло сорок. Наступил момент, когда, по-моему, мне пора бы понять, кто я, — я посмотрела на него. — У меня четверо детей. Ты много знаешь

актрис с четырьмя детьми?

— Есть актрисы с четырьмя детьми, — сказал Леттерман. — Разве к нам недавно не приходила очаровательная леди с четырьмя детьми, Пол?

— Назови десять актрис с четырьмя детьми, — предложил Пол.

Леттерман деланно засомневался.

— Десять?

— Мередит Бакстер Берни? — сказал Риз.

— Мередит Бакстер Берни, — кивнул Леттерман, — и у Лоретты Свифт четыре ребенка, да, Пол?

— Джейн Фонда?

— По-моему, у Мередит Бакстер Берни вообще-то пять детей, Дэйв, — сказал Пол Шэффер, наклонившись к микрофону своего маленького органа. На его большой лысине был ярлык с надписью «Лысина».

— По-моему, суть в том, господа, — прервала я их с улыбкой, — что у меня есть дети, которые уже успели стать больше звездами, чем я. Я снялась в двух фильмах, всего, за всю карьеру. Теперь, когда мне сорок, я понимаю, что с двумя фильмами и тремя длинными сериалами мой след на планете не останется в веках. Дэвид, я телевизионная актриса.

— Ты Женщина, Которая Играет на телевидении, — поправил Леттерман с улыбкой.

— А теперь еще женщина из рекламы, — я пожала плечами, будто не замечала в этом ничего особенного.

Пол Шэффер, все еще наклонившись над органом, наиграл мне короткую, но очень милую мелодию в честь дня рождения.

Леттерман засунул еще одну карточку между зубов.

— В общем, как я тебя понял, ты говоришь, что не считаешь, будто рекламы сосисок могут повредить твоей карьере.

— О нет, боже, нет, вовсе нет, — я засмеялась. — Я имела в виду совсем не это. Я имела в виду — это же и есть моя карьера, верно? Разве не об этом мы сейчас говорили?

Леттерман потер подбородок. Посмотрел на координатора спорта.

— Значит, такие страхи, как… скажем, что ты скомпрометируешь свою целостность… или какой-то, э, фактор искусства: он не является фактором в этом решении, вот что ты говоришь.

Дик попросил Руди на секунду дать трансмиттер.

— Как же, конечно же были факторы искусства, — сказала я. — Когда-нибудь пробовал играть с мясом в партнерах, Дэвид? — я огляделась. — Кто-нибудь? Размазывать горчицу так,

чтобы тебе верили?

Казалось, Леттерману было неудобно. Зрители издавали странные звуки: не могли понять, смеяться или нет. Дик начал очень спокойным тоном что-то мне передавать.

— Все еще выглядеть голодной на пятнадцатом дубле? — сказала я, пока Леттерман улыбнулся и отпил из чашки. Я пожала плечами, — Искусство там в каждом кадре, Дэвид.

Я едва слышала голосок Дика, предупреждающий, чтобы я помнила об опасности съехать на оправдания. Ибо Леттерман показался вдруг робким, словно колебался из-за чего-то. Он посмотрел на левый край сцены, потом на свою карточку, потом на меня.

— Просто, Сьюзан, наверное, какой-нибудь циник, вроде нашего Пола, — Шэффер засмеялся, — захотел бы узнать… то есть, — сказал он, — все эти твои активы, что мы вместе перечислили, у тебя все, как я сказал, удалось… и вот что интересно кому-нибудь вроде Пола — так-то это не наше дело… — он неловко поправил воротник, — в общем, вопрос, со всем уважением: какая же сумма денег, даже — какие баснословные богатства вынудили талантливую и, если не великую, то, ты согласишься, всеми любимую, и плюс ко всему «удавшуюся» актрису… играть с мясом в партнерах?

То ли Дик, то ли Руди прошептали «О господи».

— Казаться изголодавшей, в энный раз намазывая эту самую… горчицу, — сказал Леттерман, наклонив голову набок, глядя на меня, как мне отдаленно помнится, правым глазом. — И мы все, конечно же, поймем, если ты не захочешь вдаваться, то есть… я прав, Пол?

На вид ему действительно было неловко. Будто до последней минуты он только притворялся ведущим. Я смотрела на него, будто он совсем сошел с ума. Теперь, когда он задал свой дурацкий вопрос, мне казалось, будто с самого начала моего появления мы говорили о разном. Я зевнула искренне.

— Просто будь честной, — сказал Дик.

— Давай, расскажи про задолженности по налогам, — прошептал Руди.

— Слушай, — сказала я с улыбкой. — По-моему, кто-то из нас непонятно объяснял, да. Можно я отвечу честно?

Леттерман смотрел на левый край сцены, будто спрашивал у кого-то разрешения. Я была уверена, что ему казалось, будто он зашел слишком далеко, и его дискомфорт приглушил аудиторию, как смерть.

Я улыбалась, пока мое молчание не привлекло его внимания.

Заговорщицки к нему наклонилась. После неопределенной паузы он наклонился над столом ко мне. Я медленно посмотрела по сторонам. Сценическим шепотом сказала:

— Я снялась в рекламе сосисок бесплатно.

Поиграла бровями.

Челюсть Леттермана отпала.

— Бесплатно, — сказала я, — только ради искусства, прикола и пары ящиков хот-догов, и удовольствия от качественной работы.

— О, да ладно, брось, — сказал Леттерман, откидываясь и хватаясь за голову. Притворился, что обращается к студийной аудитории: — Ну дамы и господа…

— Чувство, которое, уверена, нам всем хорошо знакомо, — улыбнулась я с закрытыми глазами, — На самом деле это я им позвонила. Вызвалась добровольно. Почти умоляла. Ты бы видел. То ещезрелище.

— Ну и девчонка, — влез Пол Шэффер, притворяясь, что утирает глаз под очками. Леттерман бросился в него карточкой, и звукооператор, в красном свитере, ударил молотком по другому листу стекла. Я слышала, как Дик говорил Руди, что это все благодаря им. Леттерман, кажется, наслаждался вовсю. Он улыбался; он сказал «Ха, ха»; его глаза были в высшей степени живыми; он был похож на очень большую игрушку. Кажется, все были в восторге. Я коснулась уха и услышала, как муж благодарит Дика.

Мы поговорили и посмеялись минуту-две о том, что искусство и принятие себя важнее, чем активы. Интервью завершилось взрывом радушия. Дэвид Леттерман сделал конфетти из ярлычков со своего тела. Я искренне жалела, что все кончилось. Леттерман тепло мне улыбнулся и мы ушли на рекламу.

Именно тогда я почувствовала всей душой, что и ужас, и конференция, и страх Руди были безосновательны. Потому что, когда мы отключились на рекламную паузу, Дэвид Леттерман остался таким же. Режиссер, в кардигане, попилил горло пальцем, умело снятая отбивка заполнила все мониторы студии 6-А, группа под управлением Шэффера играла фанк, огоньки камер потемнели. Плечи Леттермана опустились; он устало навалился на очевидно дешевый стол и вытер лоб жалкой салфеткой из кармана пиджака яхтсмена. Улыбнулся от души и сказал, что ему действительно гротескно приятно было со мной поболтать, что мы сегодня точно отработали зрительский развлекательный доллар, что он надеялся, ради ее же блага, что у моей дочери Линнетт есть хотя бы половина моей харизмы, и что знай он, что

я окажусь таким чрезвычайно обаятельным гостем, он бы кротовые горы сдвинул, лишь бы давно уже меня пригласить.

— Он правда так и сказал, — говорила я потом мужу в машине NBC. — Сказал «гротескно приятно», «развлекательный доллар» и что я обаятельный гость. Никто нас не слышал.

Дик со своим водителем уже уехал вперед, подобрать Чармян и встретить нас в «Ривер Кафе», где мы четверо всегда старались собраться, когда мы с Руди приезжали в город. Я посмотрела на нашего водителя, впереди, через стекло; он снял фуражку, волосы были прилизаны, не голова, а фотография.

Муж, со мной на заднем сиденье, держал мои руки в своих. Его галстук и платок были ровными, заподлицо. Я почти чувствовала его облегчение. Когда я увидела его сразу после съемки, он невероятно расслабился. Леттерман объяснил аудитории, что мне уже пора ехать, и меня проводили со сцены аплодисментами, пока Дэвид представлял самопровозглашенного короля продаж кухонных приборов, на котором был значок клуба «Элкс».

— Ну конечно он так и сказал, — сказал мой муж. — Это как раз в его духе.

— Вот именно, — настаивала я, посмотрев, что у него в руках.

Мы ехали на юг.

— Но это не значит, что он действительно такой, — сказал он, глядя на меня очень прямо. Потом тоже посмотрел на наши руки. Наши три кольца оказались рядом. Я почувствовала, как его люблю, и придвинулась ближе на мягком кожаном сиденье, лицо горело и болело. Пустое ухо чувствовало себя немного изнасилованным.

— Не больше, чем ты, когда обрабатывала его там так, как я в жизни не видел. — Он посмотрел на меня с восхищением. — Ты талантливая актриса. Выслушала все указания. Ты справилась, заработала нам обоим уважение и пережила появление на анти-шоу. — он улыбнулся. — Ты отлично потрудилась.

Я отодвинулась от мужа, только чтобы посмотреть ему в очень чистое лицо.

— Я не играла, у Дэвида Леттермана, — сказала я ему. И я была искренна. — Скорее, это вас с Диком мне пришлось… обработать. — улыбка Руди не пропала. — Он не хотел надругаться, — сказала я. — Он был веселый, Руди. Мне было весело.

Он зажег длинный Галуаз, улыбаясь.

— Как и снялась для «прикола»? — спросил он сухо. Притворился, что почти подтолкнул меня под бок. Дорогой

район, который я помнила, сменился недорогим, что покатился по обе стороны от нас.

И хочу сказать, что когда муж меня почти подтолкнул, я почувствовала в глубине души что-то мрачное. Почувствовала, что это паршиво, раз мой собственный супруг не может отличить, была ли я серьезной. Так я ему и сказала.

— Я была такой, какая я есть, — настаивала я.

И увидела в лице Руди то, что выдавало мое лицо, когда я понятия не имела, о чем говорили он, Дик или даже Дэвид. И почувствовала ту же странную почти-панику, которую, как теперь понимаю, он чувствовал всю неделю. Мы оба слушали, как через решетку интеркома просачивалось что-то барочное.

— Как на мой день рождения, — сказала я, держа руку мужа в своей. — Мы же всё решили, на мой день рождения. Выпили за это вина, Руди. Взяли факты и внимательно их рассмотрели, вместе. Буквально на прошлой неделе мы вместе решили, что я такая и есть.

Муж высвободил руку и пощупал решетку панели. Непокрытая голова водителя-латиноамериканца была наклонена. Я заметила, что часть его шеи без пигмента. Светлая зона имела форму круга; она уходила в темные волосы и терялась из моего виду.

— Он наклонился ко мне, Руди. Я видела все его лицо. У него веснушки. Я разглядела маленькие точечки пота на свету. Маленький прыщ рядом с ярлычком. Его глаза такого же цвета, как джинсы летом у Джейми и Линетт. Я посмотрела на него. Я увидела его.

— Но мы же тебе объясняли, Сью, — сказал муж, потянувшись к карману пиджака. — Он попал на телевидение в 1989-м, чтобы все на него смотрели, именно потому, что его нельзя увидеть. В этом-то все и дело, да. Что никто не таков, каким ты его видишь.

Я посмотрела на него.

— Ты правда думаешь, что это правда.

Его сигарета потрескивала.

— Неважно, что я думаю. В этом суть шоу. И это становится правдой. Когда все его смотрят.

— Ты сам в это веришь, — сказала я.

— Я верю в то, что вижу, — сказал он, откладывая сигарету, чтобы отвернуть крышечку бутылки. На ней было напечатано «Поверните несколько раз». — Если это неправда, разве смог бы он выступать?..

— Мне это кажется очень наивным.

— …так, как он выступал? — сказал он.

Некоторые пилюли — буквально горькие. Даже когда я выпила из бара заднего сиденья, все еще чувствовала Ксанакс на языке. После отлива адреналина накатила усталость. Мы вырвались из высоких зданий у воды. Я смотрела, как мимо плывет Манхэттенский мост. В поле зрения показалось солнце; оно висело справа от нас, красное. Мы оба смотрели на воду. Ее поверхность была кроваво-красной под мартовским закатом.

Я сглотнула.

— Значит, ты веришь, что никто не такой, каким его видишь?

Ответа я не получила. Руди смотрел в окно.

— У Дика почти нет рта, я только сегодня поняла. Скорее похоже на рану на лице, — я замолчала. — Не надо считаться с ним по поводу наших личных жизней только из-за твоих решений по работе, Руди, — я улыбнулась. — Ведь унас «жизнь удалась, подруга».

Муж засмеялся, не улыбаясь. Он смотрел на последнюю окрашенную солнцем воду, пока мы приближались к системе скрещенных теней Бруклинского моста.

— Если никто на самом деле не такой, как кажется, то в это число входила бы я, — сказала я. — И ты.

Руди вслух восхитился закатом. Он сказал, что тот похож на взрыв, висящий по-над над водой. Отраженный и усиленный рекой. Но смотрел он только на воду. Я смотрела на него.

— Ого, — вот что сказал Леттерман, когда интеллигентные, но окруженные енотными пятнами глаза координатора Риза показались из идеального круга взорвавшегося динамита. Спустя месяцы, когда я переживала что-либо, уцелев в самой середине, укрывшись в покое, созданном хаосом, от которого я, идеально окруженный эпицентр, была избавлена, я каждый раз поражалась, насколько такая реакция в данных обстоятельствах была реальной и простой.

И я помнила и всегда сильно старалась показать, что, в первую очередь, я женщина, которая говорит, что думает. Так я хотела себя видеть, жить.

И потому я спросила мужа, пока мы ехали в чужом лимузине, чтобы присоединиться к Дику и Чармян и, может, Линдси на ужине за счет NBC, какими же он и я, по его мнению, были тогда на самом деле.

Что оказалось ошибкой.

notes

1

Прим. пер. Хауди-Дуди — шоу с куклой чревовещателя.